ВОСПОМИНАНІЕ

о

ГРАФѢ К. Ѳ. ТОЛѢ.*

Странно было мое знакомство съ Графомъ Карломъ Ѳедоровичемъ Толемъ: я увидѣлъ его въ первый разъ въ самый день моего назначенія Вице-Директоромъ Департамента Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. До того мы никогда не встрѣчались. Странно было и опредѣленіе мое въ Вѣдомство Главнаго Управленія П. С. и П З, безъ просьбы моей и безъ моего вѣдома. Я возвратился въ Петербургъ изъ Сѣверо-Западнаго края, гдѣ надоѣли мнѣ Поляки и Польки, ксендзы и мишки, Папежники и Папежницы, мятежники и мятежницы. Здѣсь, въ Сѣверной Пальмирѣ, мои занятія, по порученіямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, казались мнѣ отдыхомъ, послѣ непрерывныхъ трудовъ въ продолженіе почти трехъ лѣтъ тамъ, въ Жмуди и Литвѣ. Я начиналъ уже понимать удовольствіе полѣниться между дѣломъ и бездѣльемъ. Сколько ни бейся, всего не передѣлаешь, говорятъ опытные дѣльцы. Не все же важно, или нужно; иное не къ спѣху, можно отложить до поры, до времени; иное можно спустить запросомъ, или справкой ради очистки дѣла, или бумаги. Полѣнюсь же, поразсѣюсь, попѣжусь и я, въ свою очередь! Да не тутъ-то было.

Мнѣ выпалъ иной жеребей. Возвратясь изъ Вильны въ столицу, я оставался безъ дѣла около четырехъ мѣсяцевъ. Потомъ около шести недѣль поработалъ, а новый 1835 годъ встрѣтилъ невозмутимымъ досугомъ.

Добрая примѣта. Но вотъ 5 Февраля, утромъ, входитъ ко мнѣ молодой, стройный, пріятной наружности, Генералъ, въ инженерномъ мундирѣ:

---

* См. Рус. Вѣстникъ 1859, Іюль, кн. 1, 1860 г., Февр., кн. 2, Мартъ, кн. 2, Іюль, кн. 1, и Воен. Сборникъ 1860, т. XV.

«Девятнинъ, — сказалъ онъ. — Я къ Вамъ отъ Графа К. Ѳ. Толя.»

— Мнѣ очень лестно Ваше посѣщеніе, — мой отвѣтъ. Не угодно ли на диванъ?

«Графъ очень желаетъ познакомиться съ Вами.»

— По какому же поводу?

«По намѣренію завербовать Васъ въ наше Вѣдомство.»

— Помилуйте! Какой же я инженеръ? На что я Вамъ гожусь?

«Мы отъ Васъ и не потребуемъ техническихъ свѣдѣній. Вы нужны намъ для управленія дѣлами по чисто гражданской части.»

— Да откуда же Графъ узналъ обо мнѣ?

«Вашъ пріятель, а мой другъ и родня, А. И. Мордвиновъ, указалъ мнѣ на Васъ.»

— Александръ Николаевичъ искренно желаетъ мнѣ добра.

«Такъ Вы согласны?»

— Какія же будутъ мои обязанности?

«Я служу Директоромъ Департамента П. С. и П. З. Мнѣ хотѣлось бы имѣть Васъ моимъ товарищемъ...»

— То есть, Вице-Директоромъ.

«Мы раздѣлимъ занятія между нами такъ: мнѣ все техническое: проекты, планы, смѣты по сооруженіямъ зданій, по проложенію шоссе, по устроенію водяныхъ сообщеній, съ ихъ шлюзами, обводными каналами, искуственными бичевниками и т. п.; Вамъ — всѣ труды по перепискѣ Департамента, по подрядамъ, поставкамъ, тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ и т. д.»

— Позвольте подумать, хоть до завтра!

«Завтра Графъ ожидаетъ Васъ къ себѣ.»

— Явлюсь.

«До свиданія! Я заѣду къ Мордвинову. Что ему сказать отъ Васъ?»

— Сердечное спасибо за доброе обо мнѣ слово.

«А вѣдь слово Статсъ-Секретаря по III Отдѣленію имѣетъ большой вѣсъ.»

— Какъ жаль, что эта добрая, честная, душа закрыта такимъ угрюмымъ лицемъ!

«Да, его не многіе понимаютъ. Необщителенъ, неразговорчивъ...»

— И вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовъ на помощь ближнему; всегда, сколько силы и обстоятельства позволяютъ, всегда выводитъ изъ бѣды невинно преслѣдуемыхъ судьбою; облегчаетъ участь провинившихся, выпрашиваетъ пособія нуждающимся... .

«За то, кто знаетъ его, какъ Вы и я, тотъ знаетъ и цѣну ему.»

— Всего же лучше то, что онъ не даетъ хода жандармскимъ сплетнямъ и, обращая полное вниманіе на свѣдѣнія, подкрѣпленныя доказательствами, всѣ письма, записки и донесенія, голословныя, по слухамъ и догадкамъ, бросаетъ въ каминъ.

«И такъ до завтра!»

Въ послѣдствіи его постигла опала. Сочиненія Марлинскаго (Александра Бестужева), съ портретомъ, попали въ театральную, при III Отдѣленіи собственной Е. И. В Канцеляріи, цензуру. Оно было и кстати: самодовольно театральный Бестужевъ всегда рисовался, какъ бы на театральныхъ подмосткахъ, онъ и говорилъ и писалъ высокопарно. Портретъ его раздосадовалъ Императора. Гроза собиралась надъ головой неосторожнаго Цензора Ольдекопа. Мордвиновъ объясняетъ, что онъ одинъ виноватъ; что онъ одинъ, какъ начальникъ, подлежитъ отвѣтственности за подчиненныхъ ему, и что онъ повергаетъ себя справедливому гнѣву Государя. Статсъ-Секретарь отставленъ. Обязанности его по III Отдѣленію переданы Начальнику Штаба Шефа Корпуса жандармовъ.

Наканунѣ опалы «сильные міра сего» были ему друзья и пріятели. На другой день послѣ опалы — всѣ они спиною къ нему. «Всѣ други, всѣ пріятели до чернаго лишь дня.» Это не смутило, однако, его добродушія. Онъ не сомнѣвался въ общемъ

къ себѣ сочувствіи и былъ увѣренъ, что преемникъ его очень тужитъ о своемъ предмѣстникѣ.

Не скоро открылся ему опять путь къ служебной дѣятельности. Докладчикъ Государя Императора сталъ докладчикомъ Министра Финансовъ, въ качествѣ Директора одного изъ Департаментовъ. Позже онъ попалъ въ Вятку Губернаторомъ. Напослѣдокъ удостоенъ званія Сенаторскаго.

На другой день я вхожу къ Графу Толю. Поклонъ, бѣгло брошенный на меня взглядъ, и ни полуслова изъ обычныхъ привѣтствій при завязкѣ новаго знакомства. Онъ просто молвилъ: «Я вчера подалъ записку Государю о назначеніи Васъ Вице-директоромъ Департамента П. С. и П. З. Вы нынѣче опредѣлены.»

— Благодарю Ваше Сіятельство за Ваше доброе обо мнѣ мнѣніе.

«Да, мы Васъ знаемъ.»

— Постараюсь оправдать...

«Не сомнѣваюсь.»

Поклонъ — и былъ таковъ!

Вотъ бирюкъ-то, подумалъ я, съ этимъ не разговоришься при докладахъ по Департаменту. На дѣлѣ вышло, что личныхъ докладовъ, по ввѣренной мнѣ части, и не было. Кой-когда только онъ, бывало, пригласитъ меня, чтобъ объясниться съ нимъ по какому ни будь обстоятельству; а вообще я постоянно отправлялъ къ нему, съ вечера, или, справедливѣе сказать, ночью, туго начиненный бумагами портфейль, который доставлялся рано утромъ, и къ 11 — 12 часамъ возвращался въ Департаментъ. Графъ былъ для меня «Княземъ - невидимкой» (давняя опера). Я работалъ съ нимъ заочно. Случалось два, три, мѣсяца и въ глаза, какъ говорится, его не видать. Этотъ порядокъ, однако, мнѣ очень нравился. Работаешь, безъ отвлеченій отъ дѣла частыми требованіями къ начальнику, не тратишь время на разъѣзды, на ожиданіе очереди, когда тебя пригласятъ въ кабинетъ, на безполезные, большею частію, но при личныхъ докладахъ неизбѣжные, разговоры и разсужденія.

Не знаю, каковъ онъ былъ къ подчиненнымъ на военномъ поприщѣ. Говорили, строгъ, точенъ, взыскателенъ, недоступенъ. Но, какъ Главноуправляющій, при всемъ наблюденіи за правильностью и быстротою движенія дѣлъ, Государственныхъ работъ и отчетности, онъ былъ внимателенъ, вѣжливъ и искренно признателенъ къ трудамъ служившихъ по его Вѣдомству. Для указанія, какъ онъ неутомимо занимался, какъ вникалъ во все, какъ тревожился, при отлучкахъ своихъ изъ Петербурга, заботою о дѣлахъ, и какъ радовался удовлетворительностью ихъ теченія, прилагаю три частныя изъ уцѣлѣвшихъ ко мнѣ письма (Прилож. 1, 2, 3). Послѣднее въ нихъ выраженіе: «Я теперь сказать могу, что я совершенно въ душѣ спокоенъ,» обнаруживаетъ, каково было въ душѣ безпокойство, во время путешествія его по Россіи, о дѣлахъ Главнаго Управленія П. С. и П. З., по всѣмъ его отраслямъ. Это — не стараніе только исполнить свои обязанности, а любовь, призваніе, страсть къ труду честному и безкорыстному. Пренебрегая людскими толками о себѣ, о своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ, онъ не добивался популярности и столько же былъ равнодушенъ къ похваламъ, сколько невозмутимъ порицаніями.

Много сдѣлано имъ и въ его время: преобразованіе Округовъ съ сокращеніемъ переписки, не на бумагѣ, а въ сущности; значительныя сбереженія казенныхъ, земскихъ и иныхъ суммъ, при Государственныхъ постройкахъ, при обновленіяхъ, перестройкахъ, поддержкѣ многочисленныхъ сооруженій; проложеніе шоссе въ разныхъ краяхъ обширной Россіи; улучшеніе и открытіе водяныхъ сообщеній; возвращеніе къ производительности огромныхъ пространствъ земли по бичевникамъ, которая оставалась невоздѣланною, подъ запрещеніемъ пользоваться ею, къ стѣсненію правъ собственности, ко вреду народнаго хозяйства (Сводъ Законовъ); устройство бурлацкихъ артелей: отвсюду стекавшіеся бурлаки на суда, сплавляемыя по Волгѣ, много вредили и хозяевамъ и себѣ небережью и скорой тратой денегъ, нетрезвостью и побѣгами, не заработавъ задатка, буйствомъ и безначаліемъ; это имѣло вліяніе и на торговлю; кладь не всегда достигала своевременно до мѣста своего назначенія; разсчеты между наемщиками и наемниками запутывались; между ними возникали обоюдныя жалобы и

тяжбы: все это прекращено, и какъ судохозяева, такъ и артели обезпечены во всѣхъ отношеніяхъ (Сводъ Законовъ); «Собраніе постановленій, относящихся до военной части управленія путями сообщеній съ 1809 по 1820 включительно» (въ двухъ книгахъ съ указателемъ, 1834 г. С. П. Б. Т. Главнаго Управленія П. С. и П. З.); особенное наблюденіе за успѣхами образованія и за нравственностью воспитанниковъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія; развитіе чувства чести и человѣческаго достоинства въ средѣ служащихъ по Вѣдомству Главнаго Управленія поощреніемъ усердія, безкорыстія, даровитости и устраненіемъ ненадежныхъ по нерадивости, любостяжательности, бездарности. И хвала и слава инженерамъ и чиновникамъ: и не возможно было бы желать, или требовать, отъ людей большей дѣятельности и честности. Не богатѣли богатые знаньями у насъ, не строили наши строители себѣ домовъ въ его время и при его товарищѣ-Аристидѣ (А. И. Девятинѣ); о послѣднемъ я упоминаю въ другомъ мѣстѣ моихъ Записокъ и въ Рус. Вѣстн. 1859 (томъ 20, кн. 2, Апрѣль, стр. 348—349). Тамъ же упомянуто и о не осуществившейся мысли составить новый законъ объ экспропріаціи, т. е., о порядкѣ отчужденія частныхъ имуществъ, при Государственныхъ, или общественныхъ, предпріятіяхъ. Я любилъ и уважалъ его. Добрые люди, однако, разъединили насъ. Между нами возникли недоразумѣнія. Искренность уступила мѣсто недовѣрію. Отсюда обоюдная осторожность, потомъ холодность, наконецъ разрывъ. Покинувъ Департаментъ, я перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; прокатился по нѣсколькимъ Губерніямъ, для обозрѣнія хлѣбныхъ магазиновъ и собранія нѣкоторыхъ свѣдѣній касательно народнаго продовольствія; потомъ скоро оставилъ Петербургъ и переселился въ Минскъ. Между тѣмъ Графъ Толь былъ пораженъ параличемъ. Девятинъ, въ качествѣ уже Товарища Главноуправляющаго, исполняя его должность, предложилъ мнѣ мѣсто Директора Департамента. Обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться его предложеніемъ (Прилож. 4 и 5). И хорошо, что я не вернулся на зовъ. Если уже Девятинъ былъ погубленъ своенравной судьбою, то какая же участь предстояла бы мнѣ, его спутнику? По смерти Графа Толя, замѣнившій его, Графъ Клейнмихель, избралъ другаго себѣ товарища, а Александръ Петровичъ, благородный, просвѣщенный, опытный, распорядительный, лучшій техникъ-

инженеръ въ Россіи, былъ обиженъ, униженъ, гонимъ до ранней могилы: онъ не перенесъ несправедливости и умеръ въ бѣдности. Миръ праху честнаго мужа! добрая слава чистому имени! вѣчная память Христіянской душѣ!

Указавъ на разумную и полезную дѣятельность Графа Толя, я не могу обойти молчаніемъ и странное предубѣжденіе его противъ желѣзныхъ дорогъ. Еще въ мое время Тамбовскій Губернаторъ, Гамалѣя, представилъ въ Главное Управленіе П. С. и П. З. предположеніе о проведеніи недлинной нити желѣзной къ Моршанской пристани, въ виду ускоренія подвозовъ къ ней товарной клади и оживленія мѣстной промышленности, что, конечно, имѣло бы благодатное вліяніе и вообще на торговлю чрезъ сбереженіе времени и путевыхъ издержекъ. Ни какого пособія отъ Государства на это не требовалось. Всѣ заботы и пожертвованія предоставлялись частной предпріимчивости. И, однако жь, полезное предположеніе не одобрено. Такъ и позже онъ не понялъ, или не хотѣлъ понять, благой мысли Императора Николая — соединить желѣзнымъ путемъ обѣ столицы.

Нельзя также промолчать и о двухъ, не сообразныхъ съ его характеромъ, поступкахъ: о запальчивости, повлекшей за собою вызовъ на поединокъ, и о самовольной отлучкѣ изъ арміи, послѣ взятія Варшавы.

Въ 1818, или 1819, г., зашла какъ-то рѣчь въ пріятельскомъ кругу нѣсколькихъ Генераловъ о военныхъ подвигахъ нашихъ войскъ, объ удачахъ того, или другаго, лица, о дѣйствіяхъ въ той, или другой, мѣстности. Воспоминанія между Генералами перешли въ споръ. Отсюда всегда не далеко до колкостей. Особенно горячился Графъ Орловъ-Денисовъ и особенно противорѣчилъ ему Графъ Толь. На бѣду, что Графъ Василій Васильевичъ присвоивалъ себѣ, то Графъ Карлъ Ѳедоровичъ рѣшительно удерживалъ за собою (не помню сущности спора). Слово за слово, пылкій рыцарь, Атаманъ Войска Донскаго, предлагаетъ хладнокровному обыкновенно, но не на этотъ разъ, потомку рыцарей Скандинавіи, * кончить споръ поединкомъ. Вызовъ принятъ. Сви-

* Родъ Графовъ Толь ведется съ X столѣтія отъ Графовъ Голландскихъ. Потомки родоначальника, переселяясь, кто въ Прибалтійскій край, принадле-

дѣтелями согласились быть Графъ Е. Ѳ. Комаровскій и Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ. Поединки въ ту пору, какъ бы наслѣдіе воинственнаго духа послѣ столькихъ войнъ съ Наполеономъ, часто повторялись и въ арміи, и въ гвардіи. Какъ обрадовались тогдашніе рубаки и стрѣлки по полкамъ, провѣдавъ о Генеральской дуэли. Легко сказать, четыре Генерала, да еще какіе: кто Атаманъ, кто Корпусный Командиръ, кто Генералъ-Адъютантъ, четыре изъ высоко стоящихъ Генерала сберутся тайкомъ на поединокъ! Любо было молодежи: «Вотъ, говорила она, вотъ увидимъ, такъ ли строго будутъ ихъ судить, какъ насъ? Не убавится ли строгости впередъ и къ намъ?..» Къ досадѣ юныхъ дуэлистовъ, секунданты помирили соперниковъ,—и шпаги остались не обнаженными.

Второй поступокъ былъ послѣдствіемъ размолвки Графа Толя съ Фельдмаршаломъ. Послѣдній не признавалъ перваго побѣдителемъ Поляковъ, и весь успѣхъ побѣды приписывалъ только точному исполненію своихъ предначертаній. Графъ Толь, напротивъ, относилъ лично къ себѣ взятіе Варшавы. Отсюда взаимные нелады, обоюдныя жалобы и невозможность служить вмѣстѣ. Сдавъ свою должность и, не сказавшись Фельдмаршалу, онъ удалился изъ арміи, безъ его дозволенія, безъ его даже вѣдома!.. Временная опала постигла его. Въ Приказѣ, въ которомъ объявлялась благодарность Императора войскамъ и разнымъ начальникамъ поименно, Графъ Толь не названъ, какъ будто бы онъ и не былъ въ побѣдоносномъ войскѣ.

Графъ Карлъ Ѳедоровичъ, впрочемъ, не не любилъ Паскевича, но онъ сомнѣвался въ его воинскихъ достоинствахъ и не признавалъ въ немъ способностей Полководца. Передъ смертью даже,—такъ разсказывалъ мнѣ Генералъ Рамзай, — (неоцѣненная жертва поблажки Полякамъ! *), передъ смертію даже своей Толь говорилъ и

жавшій Швеція (наши Прибалтійскія Губерніи), кто въ Швецію, или Данію, кто въ Пруссію, или Россію, служили на военномъ поприщѣ въ странахъ, составлявшихъ Скандинавію (Рос. Родослов. Книга ч. 2. С. П. Б. 1855, изд. Кн. П. В. Долгоруковымъ).

* Почтенный Генералъ, наблюдая въ мѣстахъ расположенія ввѣренныхъ ему войскъ, за духомъ обывателей, предвидѣлъ, и старался предупредить, тѣ зло-

писалъ Государю о Фельдмаршалѣ откровенно, умолялъ не ввѣрять ему судьбы арміи, въ случаѣ Европейской войны. Говорили, что его письмо, можно сказать, загробное, было, однако же, извѣстно Паскевичу.

Не знаю навѣрное, откуда и когда возникли первыя недоразумѣнія и нелады между Княземъ и Графомъ? Что развило взаимное несочувствіе въ нихъ другъ къ другу? Кто питалъ обоюдное недовѣріе одного къ другому? Окончательный, однако, разрывъ произвела Варшава. Насколько каждый изъ нихъ правъ, насколько виноватъ одинъ передъ другимъ, намъ, ихъ современникамъ, рѣшить трудно. Но потомство оцѣнитъ безпристрастно заслуги отечеству обоихъ.

Н. Сушковъ.

дѣйства, какими обнаружился мятежъ, подлое побіеніе по домамъ безоружныхъ солдатъ во время сна. Но ему не поверили, мѣры осторожности признали ненужными, и распоряженія его къ подавленію возстанія на первомъ шагу отмѣнили. Мятежъ вспыхнулъ — Русскіе воины предательски умерщвлены. Число ихъ значительно. Рамзай не перенесъ скорби о мученикахъ. Онъ сильно занемогъ и покинулъ армію. Велёпольскій, Фіалковскій и вся лицемѣрная братія пропаганды Ляхо-Латинской сжили съ рукъ предусмотрительнаго и опаснаго имъ начальника.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Милостивый Государь,

Николай Васильевичъ!

Бумаги я всѣ разсмотрѣлъ, и подписанныя Вамъ возвращаю. Благодарю Васъ за сообщенныя мнѣ дѣла, болѣе вниманія достойныя и по коимъ сдѣланы надлежащія распоряженія. Между прочими, касательно вновь обращаемой Петергофской дороги въ шоссе, сообщили Вы мнѣ, что къ 6 Іюлю, то есть, къ Петергофскому празднику, шоссе сія будетъ по всей ея ширинѣ готова на протяженіи только 1200 саженъ. Это, если не ошибаюсь, противно заключеннаго съ подрядчикомъ контракта, по коему должно было быть готово около четырехъ верстъ, если не болѣе. Мнѣ желательно также знать, какой успѣхъ по 1-й Дирекціи Московскаго шоссе, на пространствѣ отъ Ижоры до Спасской Полисти, гдѣ передѣлываются обочины и баріеры.

Скажите, Александру Савичу, чтобы онъ послалъ кого либо осмотрѣть, ибо къ 1-му Августу изволитъ Государь отправиться въ Москву, и желательно, чтобы къ тому времени все готово было; равномѣрно истребовать свѣдѣніе и отъ Полковника Рейхеля относительно обращенія, въ Новѣгородѣ Московской улицы въ шоссе, и когда она совершенно готова будетъ; также перестройки мостовъ отъ Петербурга до Новгорода, дать какъ ему, такъ и Полковнику Рихтеру, знать, что въ первыхъ числахъ Сентября я изъ Москвы въ Петербургъ буду возвращаться по шоссе.

Прикажите, Николай Васильевичъ, доставить Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Александру Федоровичу Крейдеману, и подъ росписку его, въ щетъ жалованья моего, 2500 рублей.

За симъ прошу продолжать увѣдомлять о всемъ, что по дѣламъ Департамента происходитъ, и быть увѣреннымъ въ искреннемъ уваженіи и преданности, съ каковыми честь имѣю быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшей слуга

Графъ Карлъ Толь.

11 Іюня, 1836 года.

2.

Милостивый Государь,

Николай Васильевичъ!

Съ послѣднимъ курьеромъ препровождены были ко мнѣ многіе Журналы Совѣта, между коими и Журналъ о проведеніи Губернскаго шоссе отъ Смоленска, чрезъ Дорогобужъ, Вязьму, Гжать, къ Москвѣ, вмѣсто Высочайше повелѣннаго направленія сего шоссе отъ Дорогобужа, чрезъ Медынь, Малый Ярославецъ, къ Москвѣ. При разсмотрѣніи сего предложенія въ Коммиссіи Проектовъ и Смѣтъ найдено, что представленіе Генералъ-Губернатора Дьякова не можетъ быть принято въ уваженіе, не взирая на невыгоды, проистекающія отъ того городамъ Вязьмѣ и Гжати, если шоссе пойдетъ чрезъ Медынь на Малоярославецъ.

Я сдѣлалъ на самомъ Журналѣ семъ разныя замѣчанія карандашемъ, не утвердивъ онаго, и какъ о семъ обстоятельствѣ нужно сдѣлать докладъ Государю Императору, то, желая сдѣлать оный обстоятельнѣе, и не имѣя при себѣ нужныхъ для сего документовъ для справокъ, я прошу Васъ, по совѣщаніи съ А. П. Переславскимъ (ибо подобное дѣло было по Рязанскому шоссе въ отношеніи города Зарайска), составить проектъ доклада Государю Императору; ибо мнѣ не помнится, куда поступила бумага о Высочайшемъ повелѣніи относительно измѣненія направленія Брестскаго шоссе, по случаю представленія моего Его Императорскому Величеству генеральнаго плана сего шоссе, Подполковникомъ Четвертовымъ составленнаго; мнѣ кажется въ Департаментъ; также и о Смоленской Губернской дорогѣ,

получившей, по Высочайшему же повелѣнію, другое, противу перваго, направленіе, то есть, отъ Дорогобужа, чрезъ Медынь, къ Малому Ярославцу, что на Брестской шоссе.

Все здѣсь недоумѣніе происходитъ отъ того, что журналъ Совѣта составленъ по запискѣ Коммиссіи Проектовъ и Смѣтъ, коей не можетъ быть извѣстенъ весь ходъ дѣла. Генералъ-Лейтенантъ Дестремъ утверждаетъ, что, по измѣненному, по Высочайшему повелѣнію, направленію Брестскаго шоссе, яко бы Медынь заключается въ семъ направленіи; мнѣ, напротивъ того, кажется, что въ Высочайшемъ повелѣніи о перемѣнѣ направленія Брестскаго шоссе отъ Малоярославца ничего не говорится о Медыни, развѣ послѣ сдѣланныхъ Подполковникомъ Четвертовымъ изысканій, нашелъ онъ необходимымъ вести шоссе отъ Малоярославца, чрезъ Медынь, на Масальскъ и далѣе, и представилъ о томъ нынѣ, во время нахожденія въ Петербургѣ, что мнѣ вовсе не извѣстно; и если оно такъ, то я съ мнѣніемъ Генералъ-Лейтенанта Дестрема согласенъ на среднюю мѣру, то есть, чтобы вести шоссе отъ Дорогобужа, чрезъ Вязьму, на Медынь, къ Малому Ярославцу, на какомъ основаніи и составить проектъ доклада Его Величеству, приложа полную записку, для лучшаго мнѣ поясненія, оговоря въ оной и то, что Подполковникъ Четвертовъ нынѣ привезъ въ отношеніи новаго направленія. Въ докладѣ Государю сказать, что при разсмотрѣніи руководствовались подробною столистовою картою Россіи, какъ въ мнѣніи Коммиссіи Проектовъ и Смѣтъ сказано. Въ помѣткахъ карандашемъ Вы увидите, что я многое и не ясно нахожу: въ одномъ мѣстѣ показано 57 верстъ болѣе, когда по моему разсчету только 37 верстъ; не описка ли писарская? что строго взыскать.

Прошу принять увѣренія искренней преданности и уваженія, съ каковыми пребываю

Вашъ покорный слуга

Графъ Карлъ Толь.

Могилевъ.
13 Іюля, 1836 г.

3.

Милостивый Государь,

Николай Васильевичъ!

Я возвращаю къ Вамъ нѣкоторыя бумаги, по которымъ еще лично переговорить съ Вами желаю.

Послѣ 1-го Сентября (Вторникъ) не отправляйте болѣе курьера ко мнѣ; ибо я къ 12, или 13, Сентябрю надѣюсь быть въ Петербургѣ. Я съ истиннымъ удовольствіемъ вижу успѣхъ дѣлопроизводства въ Департаментѣ. Я теперь сказать могу, что я совершенно въ душѣ спокоенъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Графъ Толь.

26 Августа, 1836 года.

Маршрутъ мой слѣдующій:

27 Вязники.
28 Владимиръ.
29 Холуй.
30 Шуя.
31 и 1 Ярославль.
3, 4 и 5 Москва.
6 и 7 Солнечная Гора.
8 Тверь.
9 Вышній Волочокъ.
11 Новгородъ.
13 С.-Петербургъ.

4.

Милостивый Государь,

Николай Васильевичъ!

Вамъ конечно уже извѣстно несчастье, постигшее Графа Карла Федоровича. Апоплексическій ударъ лишилъ его владѣнія лѣвою стороною тѣла, и хотя нравственныя его способности остались въ прежней силѣ, но необыкновенная слабость во всемъ физическомъ его организмѣ не дозволяетъ ему заниматься дѣлами. Мы надѣемся, что, съ Божіею помощію, силы его возстановятся; но какъ это возстановленіе должно совершиться весьма медленно, то Графъ Карлъ Федоровичъ, дабы обезпечить производство дѣлъ по Главному Управленію на будущее время, рѣшился испросить Высочайшее соизволеніе Государя Императора на нѣкоторыя измѣненія въ Главномъ Управленіи, коихъ сущность Вы увидите изъ прилагаемой при семъ копіи съ Указа Правительствующему Сенату.

Я Всемилостивѣйше назначенъ Товарищемъ Главноуправляющаго, и мнѣ Графъ Карлъ Федоровичъ желаетъ передать теперь временно исправленіе его должности.

Когда мы разставались съ Вами, Милостивый Государь, Николай Васильевичъ, то Вы мнѣ говорили, что всегда предпочли бы мѣсто Оберъ-Прокурора, или Директора Департамента, мѣсту Губернатора. Если Вы и теперь остаетесь при этомъ мнѣніи, то я Васъ прошу увѣдомить меня объ этомъ, и поручите мнѣ ходатайствовать о назначеніи Васъ Директоромъ 2-го Департамента Г. У. П. С. и П. З.

Отъ этого Департамента устранена теперь вся техническая часть, и для Директора не будетъ уже нужды работать тутъ съ кровавымъ потомъ, а содержаніе ему 12 тысячъ руб., или права тѣ же, какъ и прочихъ Директоровъ.

Вы видите, почтенный Николай Васильевичъ, что я обращаюсь къ Вамъ съ тѣмъ же чувствомъ внутренняго къ Вамъ уваженія и дружбы, съ какимъ я встрѣтилъ Васъ въ Вѣдомствѣ П. С. и П. З.

На людей нашего покроя временныя размолвки, проистекающія отъ пылкости характера, не имѣютъ ни какого продолжительнаго вліянія.

Прошу Васъ ускорить отвѣтомъ; ибо около насъ уже лазаютъ люди, которые бы желали достать мѣсто Директора, тогда какъ они не имѣютъ на то того права, которое Вы на это имѣете, помогавъ мнѣ три года устроить Департаментъ П. С. и П. З.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

А. Девятнинъ.

1 Ноября, 1839 года.

5.

Милостивый Государь,

Александръ Петровичъ!

При первой вѣсти о болѣзни Графа, я сказалъ: «Александръ Петровичъ будетъ его товарищемъ.» Предсказаніе, или лучше сказать, желаніе мое сбылось, — и конечно, никто чистосердечнѣе меня не порадовался этому и для пользы службы и по признательности, которою полна моя душа къ Вашему Превосходительству за два года, въ которые Вы и наградою и обращеніемъ заставляли меня забывать труды, конечно необыкновенные. Послѣднее время были недоразумѣнія; но память сердца переживаетъ ничтожныя безпокойства самолюбія.

Приглашеніе Ваше не удивило меня: чувство справедливости всегда сродно благороднымъ людямъ. Я полетѣлъ бы къ Вамъ съ тою же довѣренностію, съ какою прежде принесъ все мое усердіе, и небольшія мои способности, и нѣкоторый опытъ. Годъ, два, и благотворная судьба, надѣюсь и желаю, опять приведетъ меня подъ начальство Ваше. Теперь, Вы сами согласитесь, мнѣ невозможно воспользоваться лестнымъ предложеніемъ: едва 9 мѣсяцевъ, какъ я въ Губерніи; оставить ее такъ скоро значило бы бѣжать отъ трудовъ; доселѣ мнѣ удалось кое-что посѣять, — надо дождаться плодовъ; по Всеподданнѣйшему отчету послѣдовало нѣсколько Высочайшихъ повелѣній: — если я не успѣлъ бы ихъ исполнить, кто поручится, что намѣстникъ мой,

при совѣтахъ добрыхъ людей, не переиначитъ всего, что я началъ, не опрокинетъ всѣхъ моихъ предположеній и не лишитъ меня того вниманія, которое обнаружилось снисходительнымъ принятіемъ моихъ проектовъ? Въ Мартѣ я долженъ представить годовой отчетъ: какъ мнѣ оставить толь важное дѣло другому? Наконецъ, самое переселеніе мое требуетъ нѣкоторой передышки для кармана: до 12 тысячъ мнѣ стоило обзаведеніе; скорый переѣздъ разстроилъ бы на долго мои финансы; надо дождаться нѣкотораго пособія за службу отъ Правительства. Какъ жаль, что это приглашеніе не случилось до опредѣленія меня въ Минскъ! Ни минуты бы не попросилъ на размышленіе.

Я ласкаюся надеждою, что Ваше Превосходительство не оскорбитесь моею откровенностію и не усомнитесь во всемъ пространствѣ моей благодарности. Мы оба фаталисты. Позвольте мнѣ остаться въ той мысли, что при первомъ свиданіи, при первой возможности, Вы не откажете мнѣ въ томъ, что теперь такъ благородно предложили; что, не взирая на полетъ, который Вамъ дали Ваши достоинства, свѣдѣнія и труды, какъ бы высоко ни вспорхнули, Вы не забудете своего сотрудника въ прежней сферѣ занятій, что Вы никогда не усомнитесь въ чувствахъ благодарности, преданности и уваженія, съ какими я имѣю честь быть

Вашего Превосходительства,

Милостивой Государь,

покорнѣйшій слуга.

15 Ноября, 1839 года.
Минскъ.

Матушкѣ Вашей мое глубочайшее почтеніе и чистосердечно радостное поздравленіе.